

УДК 930.2(09)

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.171-184

ТАЙНА ВИЗАНТИНИСТА ДМИТРИЯ АЙНАЛОВА

Л.А. Сыченкова¹, М.Д. Пирго²

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

²*Независимый исследователь, г. Славянск, 84101, Украина*

Аннотация

В статье впервые рассматривается мариупольский период жизни Д.В. Айналова, прослеживается история его семьи, этническое происхождение из крымско-приазовских греков. Впервые вводятся в научный оборот документы личного происхождения, касающиеся генеалогического древа и раннего периода биографии ученого. Генетические корни, связь с греческой культурой, не утраченная в среде приазовских греков, обусловили выбор главной темы его научных исследований – эллинистическое и византийское искусство. На основе архивных документов реконструируется культурная среда семьи, что позволяет объяснить условия, обеспечившие развитие художественных способностей Д.В. Айналова. Доказывается, что ближний круг семьи, в который входили художники, повлиял на формирование визуального мышления Дмитрия, предопределил интерес к изучению искусства. Важным свидетельством художественных способностей Д.В. Айналова является его иконографическое наследие. Уточнение деталей биографии византиниста и историка искусства расширяет существующие представления о его творческой лаборатории, о личных мотивах выбора тематики исследования, делает его историографический образ более объемным и конкретным. В статье ставится вопрос о необходимости написания специального монографического исследования, в котором рассматривались бы все этапы личной и творческой биографии Д.В. Айналова.

Ключевые слова: Д.В. Айналов, этническое происхождение, культурная память, приазовские греки, традиции Эллады, полилингвизм, мариупольский период, история семьи, историография российского искусствознания, иконографическое наследие

*Посвящается 130-летию начала
преподавания Д.В. Айналова
в Казанском университете (1890–1903 гг.)*

Введение

Признанный корифей российской византистики и искусствознания Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) (фото 1) на протяжении всей жизни скрывал тайну места своего рождения и этнического происхождения. Он как будто намеренно «запутывал» будущих биографов, когда собственноручно в автобиографиях и личных листах указывал разные места своего появления на свет: где-то г. Полтаву, где-то г. Мариуполь и даже г. Кострому [1, с. 261–262], хотя г. Мариуполь он указывал чаще всего. Во всех личных документах писал себя «русским».

Фото 1. Портрет молодого Д.В. Айналова, примерно 1893–1895 гг. Из личного архива Адиля Аттархлиби (Adil Attarhlibi). Публикуется впервые

Причем он скрывал эти факты еще задолго до советского времени. Чего он опасался, мы, наверное, никогда не узнаем.

В историографических исследованиях, посвященных Д.В. Айналову, не встречается сведений о его жизни до поступления в Новороссийский университет. «Сведения о семье Айналова очень скудны», – констатировали историографы еще в 1995 г. [1, с. 262].

Ни в одном из биографических описаний не указано, что Д.В. Айналов родился в семье греков – переселенцев из Крыма, хотя именно это обстоятельство, возможно, и определило впоследствии круг его научных интересов. Есть основания предполагать, что именно этнические корни Дмитрия Власьевича Айналова, азы художественного образования, полученные в раннем детстве, среда творческой интеллигенции, в кругу которой он вырос, предопределили в дальнейшем дело его жизни – изучение эллинистического и византийского искусства.

Д.В. Айналов не оставил воспоминаний о своей жизни, из которых можно было бы узнать о его детстве и семье. Его богатое архивное наследие, хранящееся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, не содержит этой информации [1, с. 261–262]. Для установления деталей раннего этапа биографии ученого пришлось проводить тщательное историко-генеалогическое исследование в архивах Украины, прежде всего в Государственном архиве Донецкой области (ГАДО). Для уточнения родословной привлекались метрические книги Соборной Харалампиевской церкви г. Мариуполя Екатеринославской губернии, ревизские сказки греческого населения г. Мариуполя, документы Мариупольской городской управы, документы Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского.

История семьи Дмитрия Власьевича Айналова: греческие корни и урумский язык

По своему происхождению Д.В. Айналов – приазовский грек¹. Разные волны этносов-переселенцев попадали в Крым, но греки среди множества народов, населявших полуостров, не утратили своего культурного и этнического своеобразия. Российский византинист греческого происхождения Г.С. Дестунис (1818–1895) так оценивал преобладание греческого национального характера: «Нет нации, которая сохранила бы так много своего, как греческая» (цит. по [2, с. 573]).

Фамилия Айналов происходит от слова *айналы* – «зеркальный»². У татар, проживавших в Крыму, слово *айналым* означало в обращении – «родимый, милый». У урумов³ *ауна* – «стекло, зеркало» + аффикс *-li* образования имени прилагательного «стеклянный», «зеркальный»⁴.

Прозвище, полученное за привлекательную внешность, стало фамилией: *аунали* – во втором, бытовом значении – красавчик, красотка (II, с. 11). Так как прозвища грекам в Крыму давали чаще всего сборщики податей – татары или турки, возможно, это прозвище дали человеку не просто красивому, а любящему красоту, разбирающемуся в ней.

Сохранились «Ревизские сказки греческого населения г. Мариуполя» 1795, 1811, 1816, 1835 и 1850 годов (III). Согласно материалам переписей этих лет, население города состояло из купцов, мещан, цеховых. В сказке 1795 г. среди мещан первого квартала г. Мариуполя под № 25 значится Анастас Семенов Аинали. В первом квартале в основном селились жители Чуфут-Кале⁵ [4, с. 69–71].

История переселения греков из Крыма в Приазовье в 1778–1780 гг. достаточно полно освещена в сборнике документов «От Крыма до Мариупольского греческого округа» (I). Греки-переселенцы, ставшие подданными Российской империи, получили льготы, закрепленные в «Жалованной грамоте христианам греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение», выданной Екатериной II от 21 мая 1779 г. (IV).

Важно отметить, что для греков, поселившихся в г. Мариуполе, родным языком являлся урумский, в основе которого лежал крымско-татарский (турецкий). На диалектах этого языка говорили жители г. Мариуполя и 10 окрестных греческих сел. «Грамотные» мариупольцы в первой половине XIX в., до появления в городе русских школ, писали так называемым караманлийским письмом, то есть турецкие слова записывали греческими буквами. Об этом, кроме подписей в документах, свидетельствуют и хранящиеся в архивах рукописи [3, с. 6] (в том числе письма Трифиллия Карацоглу [5, с. 11], рукопись И. Куркчу в Институте рукописей в Киеве [6, с. 544]).

¹ Приазовские греки – это наследники вышедших из Крыма в 1778 г. христиан. В Екатеринославской губернии они основали г. Мариуполь и 20 прилегающих к нему сел. Городу и селам присвоили название тех населенных пунктов в Крыму, из которых вышли переселенцы.

² Длительное проживание в татаро-турецком окружении наложило отпечаток на фамилии крымских греков, которые в основном имеют тюркское происхождение (I).

³ Урумы – наиболее древняя часть греческого населения Крыма; с течением времени переняли татарский язык как средство общения. Урум (рум) на турецком, татарском и арабском языках означает «грек» [3, с. 5].

⁴ Ср. Αἰνάλης.

⁵ Чуфут-Кале (укр. *Чуфут-Кале*, крым.-тат. *Çufut Qale*) или Кырк-Ор (крым.-тат. *Qırq Or*) – средневековый город-крепость в Крыму, родовая крепость, расположенная на горном плато к востоку от Бахчисарая.

Данные ревизских сказок позволяют проследить историю рода Айналовых до 1850 г. (III). За период с 1850 по 1920 г. сведения о семье Айналовых взяты из метрических книг Соборной Харалампиевской церкви г. Мариуполя, хранящихся в Государственном архиве Донецкой области (V). На сайте «Азовские греки» было построено генеалогическое древо рода Айналовых со ссылками на документальные источники (VI).

Отец Дмитрия, Власий Дмитриевич Айналов, вероятно, занимался коммерческой деятельностью. После 1850 г. Власий Дмитриевич перешел из мещанского в купеческое сословие. В записях о рождении и смерти сыновей Владимира (VII) и Александра (VIII) он значится купцом. Наверное, доходы не всегда были достаточными для выкупа купеческого торгового патента, и в 1871 г. Влас Дмитриевич вернулся в мещанское сословие – в записях о рождении дочери Любви (IX) и о браках трех дочерей он числится мещанином. Записей о рождении старших детей – Ефимии в 1858 г., Анны в 1859 г. и Дмитрия в 1862 г. – обнаружить не удалось, так как метрические книги Соборной Харалампиевской церкви за эти годы не сохранились (годы рождения старших дочерей определены по возрасту на момент вступления в брак). Но, по-видимому, и в этих записях отец Дмитрия Власьевича был обозначен в купеческом сословии, иначе Дмитрию не пришлось бы после революции скрывать место рождения, чтобы не было возможности проверить запись о рождении его в купеческой семье.

Отец Дмитрия умер в 1876 г. (X), когда Дмитрию было 12 лет. Его смерть существенно усложнила жизнь семьи. Мать Дмитрия Власьевича, Елена Алексеевна, родилась до 1850 г. В ревизской сказке 1850 г. по г. Мариуполю среди гречанок такого сочетания имени и отчества не нашлось. Проанализировав в записях о крещениях и браках фамилии, имена и отчества восприемников и поручителей, мы пришли к выводу, что девичья фамилия матери, вероятнее всего, – Лютеченко, и она была мариупольской мещанкой, дочерью Алексея Лютеченко, который занимал какую-то должность на государственной службе. Надо заметить, что до 1859 г. в г. Мариуполе не было разрешено селиться никому, кроме греков, а государственные служащие набирались, напротив, из русских и украинцев.

Елена Алексеевна была намного моложе мужа, она умерла в г. Мариуполе в 1917 г., пережив мужа на 41 год (XI). Родным языком для семьи Айналовых был не греческий, а урумский, в котором до 80% слов происходили из крымско-татарского языка и до 20% являлись заимствованиями из греческого. От матери родным языком Дмитрия, помимо урумского, был русский, поэтому он говорил по-русски практически без акцента, который отличал многих его сверстников – греков-мариупольцев.

Д.В. Айналов был первым заведующим кафедрой теории и истории искусств Казанского университета с 1890 по 1903 г., директором учебного Музея древностей и изящных искусств при кафедре [7]. Именно в казанский период Д.В. Айналов подготовил и защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора. Монография Д.В. Айналова «Эллинистические основы византийского искусства», изданная в 1900 г., принесла ученому мировую известность (XII). Книга была переведена на английский язык и переиздана в США Ратгерским университетом в 1961 г., уже после его смерти (XIII). Дружеские отношения у Д.В. Айналова сложились с Н.Ф. Катановым, с которым они вместе приехали в г. Казань из г. Санкт-

Петербурга [1, с. 274–275]. Д.В. Айналов и Н.Ф. Катанов писали совместные работы о восточных металлических зеркалах (XIV), вместе обследовали частные коллекции в г. Казани. Что притягивало этих ученых друг к другу? Что могло стать основой их дружбы, кроме совместных исследований? Н.Ф. Катанов был хакасом по национальности⁶, минусинским татаринном, впоследствии он внес значительный вклад в изучение тюркских языков. Можно выдвинуть предположение, что знание Д.В. Айналовым крымско-татарского языка не могло не вызывать симпатии у Н.Ф. Катанова.

Именно пребывание в г. Казани подвигло Д.В. Айналова на изучение художественной культуры Востока, которое представляло собой совершенно новое направление для историко-культурного знания России конца XIX – начала XX вв. Ученый в г. Казани начал осваивать тему восточного христианства на памятниках Кавказа, Армении, западного Крыма, Болгарии, Египта и даже Абиссинии. Неслучайно свою первую лекцию в Казанском университете Д.В. Айналов посвятил «восточному серебру Эрмитажа» (XV). Знание урумского языка, в основе которого лежал крымско-татарский, позволяло Д.В. Айналову чувствовать себя комфортно в г. Казани, где он прожил около 13 лет. Думается, что Д.В. Айналову, как университетскому профессору, хотя и нечасто, но все же приходилось сталкиваться с татарским населением города (в XIX в. русские и татары в г. Казани жили достаточно изолированно друг от друга). Можно предположить, что ему легко было найти общий язык с извозчиком-татаринном казанского «барабуса»⁷. Уточнение этнического происхождения Д.В. Айналова, данные о том, что он владел крымско-татарским языком, позволяют пересмотреть утвердившееся в историографии мнение о тягостных условиях пребывания ученого в г. Казани, основанное исключительно на его письмах [1, с. 270–275].

Причиной закрепившейся в историографии традиции считать Д.В. Айналова русским, возможно, стало сокрытие факта социального и этнического происхождения в автобиографиях, на которые ссылаются исследователи его творчества [1, с. 262]. Вероятно, до революции Д.В. Айналову было невыгодно подчеркивать свое этническое происхождение. В анкетах советского периода ученый не указывал, что его отец был купцом. Национальность он писал по матери – «русский».

Мариупольский период: культурная среда семьи и начало художественного образования

Никто из историографов не задавался вопросом, почему у Д.В. Айналова возник интерес к изучению истории искусства Византии⁸. Реконструированная на основе архивных документов история семьи позволяет предположить, что интерес Д.В. Айналова к истории художественной культуры также сформировался еще в г. Мариуполе. Отец Д. Айналова любил театр, о чем свидетельствуют воспоминания современников. Так, в книге «Мариуполь и его окрестности» описывался

⁶ Хакасы (минусинские татары, абака́нские (енисейские) татары, ачинские татары) – тюркоязычный народ России.

⁷ «Барабусы» – зимний вид казанского транспорта, существовавший во второй половине XIX – начале XX в. Название происходит от татарского «барабыз» – поездем [8, с. 52].

⁸ Много ценных замечаний, собранных из разных источников о художественных способностях Д.В. Айналова, буквально разбросано в архивоведческом исследовании А.Н. Анфертьевой [1, с. 264–267, 279].

такой факт: «В 1868 году приехали в Мариуполь две драматические труппы: Пилони и Миодушевского; первая играла в театре Н. Попова, для второй же – артистам удалось склонить местного жителя В.Д. Айналова построить в своем дворе на Екатерининской улице театр (собственно – переделать из амбара), в котором труппа Миодушевского давала целый сезон с большим успехом драматические представления... Театр г. Айналова имел изрядную сцену, удобные обитые красным сукном места для публики, ярус лож и галерею. <...> С окончанием зимнего сезона и с отъездом труппы Миодушевского из Мариуполя В.Д. Айналов сломал театр и на его месте построил дома» [4, с. 293–294].

После смерти главы семьи в 1876 г. Елена Алексеевна, оставшись вдовой с четырьмя детьми, смогла дать детям прекрасное образование. Вероятно, ей оказывали материальную поддержку братья Власа Айналова: бездетный Анастас Дмитриевич и Илья Дмитриевич, дети которого тоже получили хорошее образование. Они помогали оплачивать обучение племянников. Дмитрий поступил в Мариупольскую Александровскую мужскую гимназию и стал выпускником 2-го года выпуска. После окончания в 1884 г. гимназии Дмитрий Айналов поступил в Новороссийский университет на историческое отделение историко-филологического факультета. Годом раньше сюда поступил Георгий Челпанов⁹, тоже грек и выпускник Мариупольской гимназии, будущий ученый-психолог¹⁰. Земляки дружили [9, с. 35].

Существует мнение, что повседневная и духовная культура греков Приазовья унаследовала некоторые элементы античной культуры. Так, в предисловии к сборнику А. Папуш «Сказки и легенды для детей и взрослых» приводится утверждение профессора А.А. Белецкого¹¹ о том, что «в фольклоре греков Приазовья до сих пор сохраняются остатки древней культуры, что когда-то цвела на их далекой родине. Их хороводные танцы напоминают описание танца в XVIII песне “Илиады” Гомера, для их сказок характерен тот колорит Византии, что восхищает нас в сказках Эллады» [10, с. 5]. Греческое население Приазовья – потомки переселенцев из Крыма – проявило большую этническую устойчивость. В кругу родственников Д.В. Айналова также сохранялись традиции греческой культуры. Известно, что в семье приветствовались браки с этническими греками. Младшая из сестер Дмитрия, Любовь Власьевна, вышла замуж за потомственного почетного гражданина, грека Андрея Георгиевича Палеолога (XVI). Представители этого греческого рода, осевшего в г. Мариуполе, были богаты и образованны.

Способности Дмитрия к рисованию были замечены родственниками, и в семье старались создать благоприятные условия для их развития. Мир искусства оказался близок Дмитрию с раннего детства. Дело в том, что в число его ближайших

⁹ Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) – философ и психолог, профессор Университета Св. Владимира в Киеве (1897–1907) и Московского университета (1907–1921). В 1921 г. был приглашен на работу в Академию художественных наук (ГАНХ) в Москве. Считается основателем первой отечественной научно-образовательной психологической школы.

¹⁰ В главе книги «Мариуполь и его окрестности», касающейся Мариупольской Александровской мужской гимназии, отмечается: «Из окончивших курс в Мариупольской Александровской мужской гимназии заслуживают быть упомянутыми следующие деятели на поприще науки: приват-доцент Московского университета по кафедре философии Челпанов и приват-доцент Казанского университета по кафедре истории искусств Айналов» [4, с. 48].

¹¹ Белецкий Андрей Александрович (1911–1995) – антиковед, переводчик, лингвист, искусствовед, доктор филологических наук, профессор. Он был одним из авторитетнейших неозллинистов в СССР, редактором первого в Советском Союзе новогреческо-русского словаря.

родственников входили люди, имевшие художественное образование. Мужем старшей сестры Дмитрия, Ефимии, был преподаватель рисования, черчения и чистописания – Иван Петрович Котов (XVII), закончивший Строгановское училище. Он преподавал в Мариупольской Александровской гимназии в 1877/1878 учебном году. Муж второй сестры, Анны, – Николай Иванович Завьялов (XVIII), тоже выпускник Строгановского училища, – преподавал рисование и черчение в той же гимназии с сентября 1878 по апрель 1896 г. Н.И. Завьялов являлся автором иллюстраций к книге «Мариуполь и его окрестности» [4]. Безусловно, Дмитрий общался с мужьями сестер не только в гимназии, но и в домашней обстановке, и они, можно полагать, помогали юному Дмитрию осваивать приемы художественного ремесла. Это общение формировало его взгляды, интерес к искусству, художественный вкус будущего византиниста.

Следует сказать, что первый директор Мариупольской гимназии, Феоктист Авраамович Хартахай (1836–1880), был одновременно серьезным ученым, первым исследователем истории Крыма, культуры греков Приазовья и крымских татар [11]. Он пригласил в гимназию хороших учителей и собрал для учащихся большую библиотеку. Знания, полученные в гимназии, позволили Д. Айналову продолжить образование в Новороссийском университете. Этническое происхождение Д.В. Айналова – из приазовских греков, по всей вероятности, предопределило интерес к изучению эллинистического искусства и Византии. Во время научных путешествий по Греции ему было легче находить контакт с местным населением. С другой стороны, художественное образование, полученное в раннем детстве, сформировало визуальное мышление, ярким проявлением которого стало иконографическое наследие Д.В. Айналова.

В «Записках во время путешествий по Италии 1891–1892 гг.» (XIX), которые представляют собой несколько путевых блокнотов, сохранилось множество пейзажей, рисунков памятников (рис. 1). Блокноты для зарисовок были постоянным инструментарием ученого, куда он не только записывал необходимую информацию о памятнике, но делал наброски (рис. 2), эскизы отдельных элементов скульптур и гипсовых слепков, сюжетов картин. Изобразительное наследие Д.В. Айналова, сохранившееся в путевых блокнотах, раскрывает детали его творческой лаборатории. Историк часто объяснял необходимость зарисовок отсутствием фотоаппарата и художника. Рисунки в блокнотах и записных книжках – это, по всей видимости, неполная часть его иконографического наследия. В архивах ученого, вероятно, можно обнаружить еще целый клад не исследованных изобразительных материалов. Качество исполнения рисунков в блокнотах свидетельствует о том, что он владел не только карандашом и пером, но и акварелью, знал приемы композиции и, безусловно, основы академического рисунка.

Наброски делались для памяти, чтобы использовать этот материал в будущих исследованиях. Д.В. Айналов фиксировал в них то, что больше всего его интересовало в конкретном памятнике, о чем он предполагал писать в научных трудах. Введение изобразительного источника в качестве полноценного документа при выстраивании системы доказательств в историческом исследовании отличало его от историков второй половины XIX – начала XX вв., которые отдавали предпочтение исключительно текстам и филологическим источникам. С этого момента начинается «дрейф» Д.В. Айналова в сторону искусствознания.

Рис. 1. Айналов Д.В. Рисунок памятника, карандаш. 1891–1892 гг. Копия с оригинала, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (XIX)

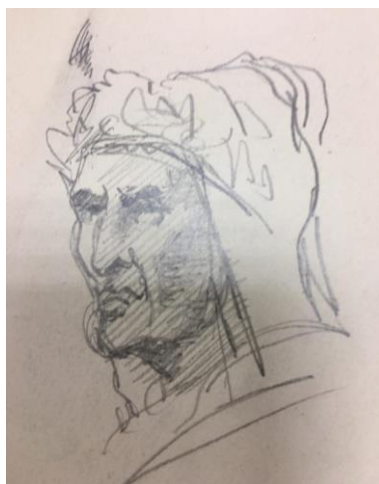

Рис. 2. Айналов Д.В. Портрет Данте, карандаш. 1891–1892 гг. Копия с оригинала, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (XIX)

Таким образом, формирование Д.В. Айналова в среде греков, выходцев из Крыма, сохранивших культурные традиции Эллады и впитавших культуру крымских татар, повлияло на выбор профессии и предмета научного исследования. Знакомство с крымско-татарским языком, караманлийским письмом, в котором турецкие слова записывали греческими буквами, далее классическое гимназическое образование, которое включало углубленное изучение древних языков (древнегреческого и латыни), а также немецкого и французского, позволили ему сформировать полилингвальное мышление, предопределили его успех в изучении источников на древних языках. В формировании личности ученого велика заслуга семьи и творческого окружения, создавших условия для развития художественных способностей Д.В. Айналова.

Потомки Дмитрия Власьевича Айналова

Для уточнения деталей биографии ученого, конечно, важно не только установить причины и условия формирования его мировоззрения, происхождение и восстановить историю семьи, но и узнать о его потомках, хранящих в памяти поколений устные предания и семейные архивы. В случае с Д.В. Айналовым удалось отыскать только косвенных потомков и редкие документы – две фотографии, а также восстановить историю семьи на протяжении последнего столетия. Известно, что Дмитрий Власьевич Айналов был женат на Надежде Ростиславовне Векентьевой. Детей у них не было, следовательно, прямых потомков не осталось. Но, как выяснилось, остались потомки его сестер. Сестра Дмитрия Власьевича – Анна Власьевна, в замужестве Завьялова, после революции вместе с дочерью Еленой была выслана из г. Мариуполя как «неблагонадежный элемент» и оказалась в г. Великом Устюге, спасаясь от репрессий. Елена Николаевна Завьялова вышла замуж за В.И. Суханова, родила двоих детей – Валерию Васильевну (1921–1999) и Вячеслава Васильевича (1927–1984). Получается, что Валерия и Вячеслав Сухановы – внучатые племянники Д.В. Айналова по его сестре Анне. Анна Власьевна умерла в голодном 1933 г. Ее дочь дожила до 1944 г. Сын Валерии Васильевны Сухановой, Владимир Николаевич 1950 г. р., живет сейчас в Киеве.

Правнучатая племянница Д.В. Айналова, дочь Вячеслава Васильевича Суханова – Татьяна Вячеславовна (1956–2017), жила в Марокко, Киеве, умерла в Париже. Ее сын, правнук Анны Власьевны Завьяловой – Адиль Аттхарлиби (Adil Attarhlibi) – праправнучатый племянник Д.В. Айналова, родился в 1983 г. в Марокко, где проживает в настоящее время. Именно Адиль Аттхарлиби предоставил нам фотографию молодого Дмитрия Власьевича Айналова из домашнего архива. Комментируя присланные им фотографии, он писал: «Я не являюсь прямым потомком Д.В. Айналова. Но общая кровь у нас есть от его отца – Власа Айналова. <...> Я помню, как его сестра¹² с нами часто общалась во время нашего ежегодного отдыха в Киеве. Она никогда ничего не говорила по поводу Айналова. Единственное, что она оставила – это фотографию молодого Айналова. Она также написала нам на листике фамилии и имена всех предков, о которых она что-то знала. Там были указаны имена Айналовой Анны и Айналова Дмитрия.

¹² Сестра Вячеслава Суханова, деда Адилы Аттхарлиби, – Валерия Васильевна Суханова.

Возле Анны она написала – “фельдшер-акушер, окончила курсы в г. Тарту”, возле Дмитрия – “историк”. И все» (XX).

В Донецком архиве были найдены данные о двух дочерях Ефимии Власьевны Котовой – Евгении и Ольге. Ольга умерла в 1900 г. 17 лет от чахотки (XXI), а Евгения в 1899 г. вышла замуж за бахмутского 2-й гильдии купца Николая Стефановича Лобасова (XXII).

Найдены записи о рождении у потомственного почетного гражданина Андрея Георгиевича Палеолога и Любови Власьевны двух сыновей – Георгия в 1896 г. (XXIII) и Николая в 1898 г. (XXIV). С 1906 г. Андрей Георгиевич был гласным Мариупольской городской думы [11, с. 102]. На этой должности он находился до революции. Судьбы Ефимии Котовой, Любови Палеолог и их потомков после революции неизвестны.

К сожалению, о самом Дмитрие Власьевиче никаких воспоминаний, могущих дополнить его портрет, в семье не сохранилось. Поиск данных о мариупольском периоде жизни Д.В. Айналова и потомках его сестер продолжается. Возможно, найдя кого-то из них, мы узнаем что-то новое и о Дмитрие Власьевиче.

Заключение

Восстановление мариупольского периода жизни Д.В. Айналова и его этнического происхождения позволяет объяснить истоки формирования интереса ученого к проблемам искусства Греции, Византии и художественной культуры Востока.

Знание биографии ученого способствует пониманию его творческой лаборатории, личных мотивов выбора направления исследований, делает его портрет более конкретным, живым, наделенным человеческими качествами.

Сегодня рано говорить об исчерпанности изучения даже петербургской части архивного наследия Д.В. Айналова: писем, конспектов лекций, рукописей статей. Практически не изучено иконографическое наследие византиниста, сделанные им зарисовки античных, византийских памятников, картин итальянских художников, бытовых сценок из жизни европейских городов, пейзажей. Д.В. Айналов зарисовывал то, что ему было особенно интересно. Путевые наброски, по сути, мир, увиденный глазами ученого и художника. Кладезь информации о творческой лаборатории Д.В. Айналова заключен в его путевых записных книжках, но они пока остаются нерасшифрованными. Написанные мелким почерком, иногда карандашом, иногда чернилами разных цветов, в том числе красными и зелеными, они с трудом поддаются прочтению. Пока остается неопианным советский период жизни историка, когда он полностью погрузился в искусствоведение, занялся изучением творчества Леонардо да Винчи (XXV).

Создание объемного портрета ученого требует восстановления всех деталей биографии, привлечения широкого круга источников, в том числе и воспоминаний его учеников, среди которых были очень значительные фигуры в истории российского и зарубежного искусствоведения: академики С.П. Обнорский и М.В. Алпатов, профессора В.Н. Лазарев, М.К. Каргер, Н.П. Сычев, В.К. Мясоедов, Н.П. Окунев, А.Н. Грабар, А.А. Мацулевич, А.Н. Свиринов, К.В. Шероцкий. Несмотря на мировое признание наследия Д.В. Айналова, о нем до сих пор не написано специального монографического исследования, в котором рассматривались бы все этапы его личной и творческой биографии. К настоящему времени

в историографии лишь фрагментарно освещены петербургский и казанский периоды его жизни.

Источники

- I – Документы по истории греков Приазовья: в 4 т. / Ред. С.А. Калоеров. – Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2008. – Т. 1: От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652–1783). – 639 с.
- II – *Токий Н.* Фамилии греков Приазовья: Популярный этимологический словарь. – Мариуполь: Б.и., 2006. – 154 с.
- III – Государственный архив Донецкой области (ГАДО). Ф. 131. Оп. 1. Д. 91. Д. 11: Семья Айналовых в ревизских сказках Мариуполя 1811, 1816, 1835 и 1850 гг.
- IV – Жалованная Грамота христианам греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 20: 1775–1780. – С. 824–825.
- V – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1–38.
- VI – Генеалогическое дерево рода Айналовых // Азовские греки: сайт. – URL: http://www.azovgreeks.com/gendbmvc/agdb.cfm?page_id=fam&fam_id=301, свободный.
- VII – ГАДО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 38. Л. 48–50.
- VIII – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об.–38; Д. 2. Л. 84 об.–85.
- IX – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 4. Л. 26 об.–27.
- X – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 6. Л. 191 об.–192.
- XI – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 36. Л. 118 об.–119.
- XII – *Айналов Д.В.* Эллинистические основы византийского искусства: Исследование в области истории ранневизантийского искусства. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. – IV, 229 с.
- XIII – *Ainalov D.V.* The Hellenistic Origins of Byzantine Art / Transl. by E. Sobolevitch, S. Sobolevitch; Edited by C. Mango. – New Brunswick; N.J.: Rutgers University Press, 1961. – XV, 322 p.
- XIV – *Катанов Н.Ф., Айналов Д.В.* Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний. – Харьков: Тип. М. Зильберберг и с-вья, 1902. – 8 с.
- XV – Юбилей Айналова // Среди коллекционеров. – 1924. – № 3–4. – С. 66.
- XVI – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 18. Л. 86 об.–87.
- XVII – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 7. Л. 105 об.–106.
- XVIII – ГАДО. Ф. 214. Оп. 1. Д. 4. Л. 193 об.–194.
- XIX – Записки во время путешествий по Италии 1891–1892 гг. // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 737. Оп. 1. Д. 2. 776 л.
- XX Письмо Адила Аттархлиби из Марокко от 7 окт. 2017 года // Личный архив Л.А. Сыченковой. 1 л.
- XXI – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 23. Л. 152 об.–153.
- XXII – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 22. Л. 127 об.–128.
- XXIII – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 19. Л. 12 об.–13.
- XXIV – ГАДО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 21. Л. 81 об.–82.
- XXV – *Айналов Д.В.* Этюды о Леонардо да Винчи. – Л.; М.: Искусство, 1939. – 140 с.

Литература

1. *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 259–312.
2. *Шукурова А.Э.* Из эпистолярного наследия Г.С. Дестуниса: письма к Ф.И. Успенскому // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 568–573.
3. *Чернухін Є.* Пам'ятки караманлійського письма в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського // Рукописна та книжкова спадщина України. – 2012. – Вип. 15. – С. 3–27
4. Мариуполь и его окрестности / Подгот. С.А. Калоеровым; репринт. воспроиз. изд. 1892 г. – Донецк: ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2007. – 577 с.
5. *Чернухін Є.К.* Архів протоієрея Трифілія Карацоглу: першоджерела з історії греків Криму та Надазов'я XVIII ст. у фондах Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. – Київ: Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, 2016. – 318 с.
6. *Чернухін Є., Пирго М.* Записки з Маріуполя першої половини XIX ст.: археографічний опис, соціальний профіль та родинні зв'язки укладача // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Зб. наук. праць. – Київ, 2013. – С. 541–563.
7. *Сыченкова Л.А.* Основатели музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопр. музеологии. – 2012. – № 1. – С. 98–112.
8. *Лисевич М.М.* История Казани глазами эрудитов. – Казань: Титул, 2000. – 95 с.
9. *Аджавенко Н.К.* Георгий Челпанов. Жизненный путь и научный подвиг. – Мариуполь: ЧАО «Газета “Приазовский рабочий”», 2012. – 256 с.
10. *Папуш А.Д.* Є квіти...: Казки і легенди для дітей і дорослих. – Вінниця: Твори, 2018. – 79 с.
11. *Михайлова Д.В.* Ф. Хартахай – организатор мужской и женской Мариупольских гимназий во второй половине XIX в. // Педагогика. – 2014. – № 2. – С. 102–106.

Поступила в редакцию
22.09.2020

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

Пирго Мария Дмитриевна, краевед

Независимый исследователь
ул. Новосодовская, д. 13, г. Славянск, 84101, Украина
E-mail: mpirgos@gmail.com

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.171-184

The Secret of the Byzantinist Dmitry AinalovL.A. Sychenkova^{a*}, M.D. Pirgo^{b**}^aKazan Federal University, Kazan, 420008 Russia^bIndependent Researcher, Slavyansk, 84101 UkraineE-mail: **l.sichenkova@yandex.ru*, ***mpirgos@gmail.com*

Received September 22, 2020

Abstract

This paper, for the first time, considers the Mariupol period of D.V. Ainalov's life, as well as the history of his family and his ancestry from the Crimean-Azov Greeks. D.V. Ainalov's personal documents concerning his family tree and the early period of his life were introduced into scientific circulation. His research focus (Hellenistic and Byzantine art) was determined by the inherent bond with the Greek culture, which had survived and flourished among the Azov Greeks. With the help of the archival documents, the atmosphere in D.V. Ainalov's family was revealed in order to understand the conditions under which he developed his artistic abilities. Our findings confirm that the inner circle of D.V. Ainalov's family, which included artists, prompted him to visual thinking and, therefore, played a key role in his subsequent interest in the study of art. An important evidence of D.V. Ainalov's artistic abilities is his iconographic legacy. Refining the details of D.V. Ainalov's biography helps to get a better insight into his creative "laboratory" and personal motives, thereby adding new dimensions to his historiographical image. The paper raises the issue of the urgent need for a special monographic research summarizing and covering in detail all stages of personal and creative biography of D.V. Ainalov.

Keywords: D.V. Ainalov, ethnic origin, cultural memory, Azov Greeks, Hellas traditions, polylingualism, Mariupol period, family history, historiography of Russian art studies, iconographic legacy

Figure Captions

- Photo 1. Portrait of young D.V. Ainalov, around 1893–1895. From Adil Attarhlibi's personal archive. Published for the first time.
- Fig. 1. Ainalov D.V. Drawing of a monument, pencil. 1891–1892. Copy of the original from the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (XIX).
- Fig. 2. Ainalov D.V. Portrait of Dante, pencil. 1891–1892. Copy of the original from the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (XIX).

References

1. Anfert'eva A.N. D.V. Ainalov: Life, work, archive. In: *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt Peterburge* [Archives of Russian Byzantinists in St. Petersburg]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1995, pp. 259–312. (In Russian)
2. Shukurova A.E. From the epistolary legacy of G.S. Destunis: Letters to F.I. Uspensky. In: *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [Manuscripts of Russian Byzantinists in the Archives of St. Petersburg]. Medvedev I.P. (Ed.). St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1999, pp. 568–573. (In Russian)
3. Chernukhin E. Written monuments of the Karanmanli literature in the Institute of Manuscripts of the V.I. Vernadsky National Library of Ukraine. *Manuscript and Book Legacy of Ukraine*, 2012, no. 15, pp. 3–27. (In Ukrainian)

4. *Mariupol' i ego okrestnosti* [Mariupol and Its Outskirts]. Donetsk, Yugo-Vostok, 2007. 577 p. (In Russian)
5. Chernukhin E.K. *Archpriest Trifillius Karatsoglu's Archive: Primary Sources on the History of the Greeks in the Crimea and Upper Azov Region during the 18th Century in the Archives of the Institute of Manuscripts, V.I. Vernadsky National Library of Ukraine*. Kiev, Nats. B-ka. im. V.I. Vernadskogo, 2016. 318 p. (In Ukrainian)
6. Chernukhin E., Pirgo M. Notes from Mariupol in the first half of the 19th century: Archeographic description, social profile, and family ties of the compiler. In: *Special Historical Disciplines: Problems of Theory and Methodology*. Kiev, 2013, pp. 541–563. (In Ukrainian)
7. Sychenkova L.A. Founders of the Museum of Fine Arts of Kazan University: Dmitry Ainalov and Alexey Mironov. *Voprosy Muzeologii*, 2012, no. 1, pp. 98–112. (In Russian)
8. Lisevich M.M. *Istoriya Kazani glazami eruditov* [History of Kazan through the Eyes of Erudites]. Kazan, Titul, 2000. 95 p. (In Russian)
9. Adzhavenko N.K. *Georgii Chelpanov. Zhiznennyi put' i nauchnyi podvig* [Georgy Chelpanov. Life Path and Scientific Exploit]. Mariupol, "Gazeta 'Proazovskii Rabochii'", 2012. 256 p. (In Russian)
10. Papush A.D. *There are Flowers...: Fairy Tales and Legends for Children and Adults*. Vinnytsia, Tвори, 2018. 79 p. (In Ukrainian)
11. Mikhailova D.V. F. Khartakhay as the founder of Mariupol gymnasia for men and women in the second half of the 19th century. *Pedagogika*, 2014, no. 2, pp. 102–106. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Сыченкова Л.А., Пирго М.Д. Тайна византиниста Дмитрия Айналова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 171–184. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.171-184. ⟩

⟨ **For citation:** Sychenkova L.A., Pirgo M.D. The secret of the Byzantinist Dmitry Ainalov. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 6, pp. 171–184. doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.171-184. (In Russian) ⟩